

УДК 316.7 + 316.344.42

Е. И. Тишкина

**БИНАРНЫЕ СОПРЯЖЕННЫЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ КУЛЬТУРЫ:
ЭЛИТАРНОСТЬ И МАССОВОСТЬ**

Рассматривается специфика формирования и функционирования бинарных сопряженных дифференциаций культуры на примере подсистем элитарности и массовости. По мнению автора, данные подсистемы обладают определенной логикой развития и являются необходимым условием бытия культуры. Это позволяет рассматривать народную, элитарную или массовую культуры как этапные проявления функционирования данных дифференциаций культуры.

Ключевые слова: бинарные дифференциации культуры, оперативная и консервативная подсистемы, элитарность и массовость, асимметрия, культурное пространство, адаптивная эволюция, культурогенез.

Формирование культурного пространства стало для человека условием выживания в агрессивном мире. Потеря инстинкта как механизма приспособления к природной среде привела к необходимости адекватной замены. Асимметричное строение мозга провоцировало асимметричное строение культуры, поэтому является справедливым утверждение, что функциональная асимметрия культуры выступила важным элементом формирования и развития культурного поля в противовес природному, в борьбе с ним, в естественном стремлении выжить.

Однако формирующееся культурное пространство не могло оставаться статичным, неизменным, созданным человеком раз и навсегда. Константность культуры неизбежно стала бы причиной ее стагнации, а затем и закономерной гибели. Культурное бытие, выступив антитезой природному, также основывается на принципе эволюции. Для того чтобы сформировать способность эволюционировать, культуре были необходимы специальные элементы — бинарные сопряженные дифференциации, или подсистемы, обладающие факторами индукции, т. е. потенцией «достраивать» систему до завершенности. При этом завершенность следует рассматривать как установление между бинарными сопряженными дифференциациями культуры взаимосвязи, обладающей направлением развития [см.: Хакен, 249]. Массовость и элитарность — бинарные сопряженные дифференциации, возникшие в процессе генезиса культуры. Это адаптивно эволюционирующие подсистемы, осуществляющие особую форму информационного контакта со средой, регулирующие пластичность культуры для эффективной эволюции в изменчивой среде.

Основная характеристика эволюции — соотношение изменения и сохранения (степень пластичности). В результате эволюции любая унитарная система превращается в бинарную [см.: Геодакян, 27]. Одну подсистему, специализированную для сохранения старого, эволюция создает для стабильной (оптимальной) среды, вторую — для изменения (новаций), для нестабильной (экстремальной) среды. Примером такого распределения на генном уровне может

служить деление на женский и мужской пол, а на поведенческо-психологическом — на правое и левое полушария. На уровне культуры подобными подсистемами являются массовость и элитарность.

Резко изменившиеся климатические и природные условия Центральной Африки повлекли за собой кризис биологической формы жизни. Популяции гоминидов, которые не смогли найти способ формирования нового (внеприродного) типа самоорганизации бытия, были обречены на вымирание. Лишь стечение обстоятельств открыло перед гоминидами путь создания искусственных органов, что позволило благодаря формировавшейся интеллектуальной силе мозга, коммуникативной энергии средств общения и искусственному способу передачи из поколения в поколение поведенческих программ компенсировать утрату генетически инстинктивного способа приспособления к окружающей среде.

В силу временного фактора сведений о процессе, который может быть назван предысторией культуры, ничтожно мало. Его начало корнями уходит в организацию жизни животных, а результатом стало формирование культуры первобытного общества. Аттрактором, определившим успех перехода от природы к культуре, стала облавная охота на крупного зверя, поскольку именно она потребовала от людей качеств, которые генетически не были заложены [см.: Кармин, Новикова, 89—90]. Став основой протокультурной деятельности гоминидов, охота на крупного зверя основывалась как на применении искусственных орудий и технологий (дубины, факелы, ямы-ловушки, загоны), т. е. на творческой способности проектировать результаты и способы данных неинстинктивных действий, так и на сочетании коллективных согласованных действий, ведь только коллектив охотников мог противостоять силе мамонта, бизона или медведя. Таким образом, уже в период зарождения культурное бытие базируется на двух составляющих, которые, по своей сути, являются протоосновой элитарности и массовости.

Современная общенаучная парадигма связывает системную сложность как фактор неопределенности с динамикой, развитием, неустойчивостью, нестабильностью. Культуру можно рассматривать как процесс вечной деятельности человека, стремящегося к стабильности, но с последующим ее переходом в нестабильность при рискованном творческом поиске очередной новации [см.: Андреева]. Следовательно, главной характеристикой эволюции культуры являются степени изменения и сохранения.

Культура — полимодальная и полиморфная система, эта специфика ее развития обуславливает особенность взаимоотношения подсистем культуры: подсистемы изменения и сохранения являются сопряженными, а не альтернативными, что позволяет культуре находиться в состоянии устойчивого равновесия и детерминировать эволюцию из будущего, поскольку «априорное моделирование альтернативных сценариев обеспечивает определение правил запрета тупиковых паттернов» [см.: Лесков, 46—47]. Производные массовости предоставляют обычному человеку способ ориентироваться в наиболее типичных ситуациях, сообщают необходимый минимум культурных сведений, который позволяет ему вписаться в общество [см.: Самохвалова, 57], в то время как диффе-

ренциации элитарности в основе своей содержат катарсис как позицию бытия. Не случайно основополагающими единицами творческой элиты являются талант и гений. Катарсис предполагает духовное совершенствование и самосовершенствование и, как следствие, постоянный поиск новаций и форм, выражающих суть культуры [см.: Быкова].

Динамика культурных вкусов и потребностей массы (и тут можно согласиться с оценкой массы, данной Р. Гвардини: массу нельзя рассматривать как проявление упадка и разложения, в этом ее отличие от черни Древнего Рима [см.: Гвардини]) менее изменчива, нежели динамика культурных вкусов элиты. Именно народные массы, а в данном случае этот термин представляется более уместным, отвечают за стабильность в обществе и за преемственность в культуре в целом. Народные массы исполняют роль основного хранителя и ретранслятора, т. е. субъекта-носителя, культурных традиций. Традиции свойственны и элитарной субкультуре, однако в силу большей закрытости данной субкультуры ее традициям не свойственно широкое распространение, если же традиция выходит за пределы элитарной субкультуры, она, как правило, претерпевает серьезную трансформацию, преобразуя свою эстетику и символику.

Традиция обращена не к рефлексирующему, рассуждающему разуму, а к мотивационной стороне сознания индивида. Личный пример или подражание играют важную роль в ее сохранении и передаче, традиция стимулирует определенные поступки и виды деятельности, другие же запрещает или осуждает. Следовательно, без некоторой степени доверия к авторитетам и общественным институтам традиции не могли бы существовать. Приятие традиции означает априорное, а не основанное на эмпирическом опыте и логических умозаключениях принятие ценностей. Свойственная традиции достаточно высокая степень авторитарности определяет более консервативный характер культурных пристрастий народных масс. Но функцию хранителя традиций народных масс нельзя абсолютизировать, поскольку великие начинания и гениальные открытия создают свои точки отсчета времени и устанавливают новые традиции [см.: Захаров]. Таким образом, вышеизложенное дает нам основания рассматривать элитарность как оперативную подсистему, отвечающую за перспективу развития культуры, а массовость — как консервативную подсистему, сохраняющую основные качества культуры. Следовательно, в домене элитарности локализованы эволюционно молодые идеи и функции, в домене массовости — старые. Их специализация по консервативным и оперативным аспектам эволюции позволяет повышать устойчивость системы в целом, одновременно улучшая обе подсистемы.

Развитие по законам дихронной эволюции обеспечивает соответствующие «шаговые» стратегию и тактику развития культуры: новация должна предшествовать адаптации и сохранению, т. е. эволюция оперативной подсистемы будет первичной, а эволюция консервативной подсистемы — вторичной. Эволюционный дихронизм проецирует эволюционный диморфизм. Массовость и элитарность принимают на себя роль своеобразных «адаптивных фенотипов» [см.: Геодакян, 24] для стабильной и изменчивой среды, соответственно регулирующих поведенческую пластичность культуры. Новые идеи, тенденции, установки,

возникая в домене элитарности, проходят там проверку в течение определенного времени, сроки проверки обусловлены спецификой историко-культурных периодов, после чего новации транслируются в домен массовости, где адаптируются. Академик С. П. Капица, опираясь на выводы, сделанные представителями школы «Анналов», пришел к заключению о неизбежном и постоянном сужении временных периодов истории человечества [см.: Капица], что является косвенным подтверждением одновременности стадий проверки новаций. Так, например, эпоха Возрождения стала для европейской культуры периодом освоения тех новаций, которые в дальнейшем определили развитие европейской культуры. Будучи по сути своей элитарной культурой, культура Возрождения апробировала философские, эстетические, религиозные доктрины, тем не менее еще несколько столетий, вплоть до XIX в., эти идеи и учения оставались лишь достоянием интеллектуальной европейской элиты. Научная революция XVIII в. способствовала проникновению этих новаций в массовое сознание (данный термин А. Я. Гуревич использует уже применительно к ментальности «повседневного человека» Средневековья) [см.: Гуревич, 355]. Но, внедряясь в умы массы и адаптируясь, новые идеи, теории и доктрины неизбежно этим массовым сознанием перерабатываются и трансформируются, иногда до неузнаваемости. Таким образом, к XIX в. массовое сознание оставалась еще средневековым, а процесс освоения новаций продлился чуть более двух веков. Однако уже в XX в. массовое сознание смогло освоить новые идеи и ценности, предложенные культурой постмодерна, всего за несколько десятилетий. Серьезные изменения претерпела и та часть культуры, которая должна была хранить традиции элитарности: одним из своих лозунгов постмодерн выдвинул принцип стирания границ между элитарной и массовой культурой.

Домен элитарности определяет эволюционную пластичность культуры в целом, поскольку именно в домене элитарности закладываются базовые характеристики тех или иных новаций культуры. Так, например, первобытный коллектив изначально строился как элитарный. Достаточно закрытый по отношению к соседям, он являлся носителем определенной культуры, порождая из себя иное путем дробления на кланы. Залогом выживания данной культуры стала стабильность, что, в свою очередь, стало причиной настороженного отношения к любой новации, ибо она могла повлечь за собой непредсказуемые и никем не координируемые изменения, а следовательно, поставить под угрозу существование коллектива в целом. Таким образом, стремление выжить и сохраниться, обусловившее динамику новаций в домене элитарности, определило традицию как основу эволюции культуры, как способ сохранения и трансляции культурной информации, положило начало формированию традиционной культуры. Для закрепления традиции необходима проверка временем, т. е. историческая дистанция. Традиционная культура будет распространена в обществах, в которых изменения незаметны для жизни одного поколения.

Однако существование массовости и элитарности как бинарных сопряженных дифференциаций не является изначальным. В качестве подсистем культуры они возникли в процессе ее эволюции. Культура зарождается как унитарная, мономодальная (симметричная и синкретичная) форма. Генетики, осно-

вываясь на исследованиях ДНК, и археологи датируют отправную точку начала процесса становления человека как существа, отличающегося от его животных предков, периодом 3–2,6 млн лет до н. э. В основе первого этапа развития человека, продолжающегося до 11–10 тыс. до н. э., лежит культура «присваивающего» хозяйства. Одним из факторов существования культурной жизни первобытного человека является обряд погребений. Для первобытных народов характерно почитание духов — хозяев животных и охотничьих угодий. Поскольку абстрактное понятие «ничье» для первобытного сознания невозможно, то весь окружающий мир включался в систему отношений собственности. Право собственности обеспечивала система кровного родства: предки служили причиной и подтверждением «законности» обладания. Не менее значимым принципом, необходимым для поддержания нужного порядка в мире, был принцип возмездности: чтобы стабильность сохранялась, за все надо «отдавать». Поэтому важной частью обеспечения миропорядка становятся почитание умерших предков, которых следует благодарить, и сохранение памяти о них.

Таким образом, можно утверждать, что обряд погребения, культ мертвых не носят исключительно религиозного характера, а вытекают из производственных отношений первобытного коллектива, отношений собственности, понятых в примитивной форме. Следовательно, культура зарождается именно как унитарная и мономодальная форма. И только при переходе от культуры присвоения к культуре производства синкретичная культура разделяется: из материальной культуры выделяется умственная (духовная) культура в качестве самостоятельного вида деятельности, которая приобретает статус сакрального, доступ к которому ограничен.

Массовость и элитарность — бинарные сопряженные дифференциации, и изменение одной неизбежно влечет за собой трансформацию другой. Однако бинарный характер процесса не предполагает одновременного изменения подсистем. Так, например, культура итальянского Возрождения являлась, по сути, культурой элитарной. Качественные модификации, перевернувшие мировоззрение человека и изменившие развитие культуры, первоначально реализовывались лишь в достаточно узком кругу итальянской аристократии и тех, кого позже назовут богемой. В то же время динамика изменений основной («массовой») части культуры была менее стремительной: процесс трансформации растянулся на несколько столетий, и его рубиконом, вероятно, можно считать восемнадцатый век, провозгласивший разум, прогресс и науку основами развития.

Среда бытования культуры не является константной. Изменения в окружающем мире и социуме требуют от культуры не только эффективной, но и адаптивной эволюции как подсистемы элитарности, так и подсистемы массовости, поскольку только соблюдение обоих условий позволяет культуре оставаться пластичной системой в изменчивой среде. Это означает, что подсистемы массовости и элитарности — это не просто эволюционирующие подсистемы, одной из главных их функций является осуществление особой формы информационного контакта со средой бытования. Появление и распространение массовой культуры было бы невозможно без процесса

урбанизации общества. Увеличение, а затем и количественное доминирование потребителей культуры, обладающих только первичными или слаборазвитыми культурными вкусами и приоритетами, привело к смещению доминанты в сторону массовой культуры.

Вместе с тем любое изменение для системы может иметь двоякое значение: с одной стороны, оно является необходимым условием прогресса, с другой — некоординируемое изменение может спровоцировать гибель системы. Метод проб и ошибок — наиболее эффективный способ изменения системы, дающий возможность координировать изменения путем локализации ошибок. Чтобы локализовать ошибки, полигоном для апробации новаций целесообразнее выбрать не целую систему, а только ее часть. Для этого необходимо разделить систему на две подсистемы: функция одной из подсистем («разведчик») — определить, что требуется социуму в настоящем и как нужно измениться в будущем, вторая подсистема («хранитель») отвечает за сохранность информации и адаптацию ее к основной части социума.

Однако принцип специализации необходим культуре не только для сохранения. Для эволюционирующих систем основополагающим принципом является и второй постулат, отвечающий за специализацию, — принцип изменения системы. Процесс взаимоотношений принципов изменения и сохранения системы является многоуровневым.

Во-первых, консервативные и оперативные аспекты эволюции — два главных и обязательных ее условия. Отсутствие одного из них влечет за собой отсутствие эволюционной динамики: система либо находится в состоянии стабильности, что при определенных условиях может привести к стагнации, либо уничтожается или самовыврождается. Подобные процессы мы можем наблюдать и на более ранних этапах развития человечества. При нелинейном переходе от первобытной к следующей стадии развития культуры три сформировавшихся варианта развития обладали неодинаковыми потенциями саморазвития, а следовательно, разными «динамическими зарядами» [см.: Каган, 214]. Культуры скотоводов и земледельцев не содержат в себе потребности в непрерывном творческом самосовершенствовании. Земледельческая культура оказалась более жизнеспособной и смогла сохранить господствующие позиции в некоторых странах Азии вплоть до XXI в., однако ее уровень значительно уступает уровню развития городской западноевропейской культуры, в основе которой лежит ремесленная культура Античности с активным творческим потенциалом, в то время как скотоводческая культура с присущими ей наивно-примитивным мифологическим сознанием и имманентной агрессивностью не заключала в себе потребности в активном творческом саморазвитии. Скотоводческая культура стала основой многих замкнутых культур, таких как, например, культуры инков и майя в Северной Америке.

Во-вторых, отношение изменения и сохранения характеризует эволюционную пластичность системы. Замкнутые культуры закрепляются и увековечиваются, а если взламываются, «то только извне, под воздействием цивилизационных процессов у соседних народов» [см.: Каган, 217]. Земледельческая культура может стать основой для формирования городской культуры, а вместе с тем

полярный ход эволюции возможен лишь под воздействием серьезных социокультурных катаклизмов, таких как, например, гибель городской античной культуры в результате нашествия варварских племен.

В-третьих, эти условия альтернативны: чем больше изменения, тем меньше сохранения, и наоборот, так как они дополняют друг друга до единого целого. Правомерность данного утверждения наиболее ярко может быть выявлена при анализе состояния европейской культуры второй половины XX — начала XXI в. Новации, предлагаемые элитарной культурой сегодня, настолько обширны и многообразны, что массовая культура оказалась не в состоянии сохранить все предлагаемое, поэтому современный европейский человек живет в постоянно меняющемся культурном пространстве. Каждый день он сталкивается с новыми тенденциями, открытиями и теориями, апробируемыми массовой культурой. Многие из них устаревают и становятся неактуальными уже через месяц, полгода или год. Вместе с тем данное соотношение изменения и сохранения провоцирует определенное пространственное соотношение подсистем массовости и элитарности. Повышенная динамика элитарной подсистемы и пониженная динамика массовой подсистемы (при сохранении пространственной доминанты элитарной подсистемы) могли бы спровоцировать разрушение сферы культуры. Естественное стремление к самосохранению заставляет культуру изменять радиусы активности массовости и элитарности. Сегодня это выражается в преобладании доли массовой культуры и снижении доли культуры элитарной.

До формирования полимодальности культуры главный управляющий поток информации был основан на принципе взаимодействия «среда — система». Становление бимодальности культуры усложнило направление информационного потока, введя в него новые координаты: «среда — оперативная подсистема — консервативная подсистема». Следовательно, при адаптивной эволюции оперативная подсистема (элитарность) основывается между средой и консервативной подсистемой (массовостью).

Более раннее и активное становление подсистемы элитарности можно объяснить спецификой организации первобытного коллектива. Каждое первобытное сообщество, элитарное по своей сути, было полностью независимо от соседей и основывалось на принципе замкнутого самообеспечения и закрытости информации.

В краткосрочном измерении сохранение культуры часто бывает важнее, чем изменение, ибо отсутствие координальных изменений грозит застоём культуры, в то время как отказ от функции сохранения неизбежно привел бы культуру к исчезновению. Следовательно, мы могли бы утверждать, что подсистемы культуры не равнозначны статусно. Консервативная подсистема массовости важнее и ценнее, чем оперативная подсистема элитарности. Она сохраняет за собой некоторые черты и функции материнской унитарной системы, тогда как оперативная подсистема приобретает новые. Однако для понимания смысла культуры нельзя ограничиться лишь пониманием смысла оперативной подсистемы элитарности. Отсутствие развития делает сохранение бессмысленным бегом по кругу, т. е. простым циклическим движением без дальнейшей

поступательной динамики. Таким образом, система без развития обречена в конечном итоге на гибель. Так, например, считающаяся «шедевром консерватизма» [см.: Ле Гофф, 9] римская цивилизация была основана на принципах закрытого мира. Рим занимался эксплуатацией и потреблением, сам ничего не производя: после эллинистической эпохи в античной культуре не было новаций в области техники, искусство осваивает созданные ранее приемы, а архитектура специализируется на формировании унитарного жилищного комплекса. Со второй половины II в. римский мир уже не смог сдерживать разрушительные тенденции.

Таким образом, уже на ранних этапах культурогенеза выстраивается определенная временная диспозиция подсистем культуры: первая (консервативная подсистема, элитарность) формируется как основная, более древняя, «удаленная» от основной части социума и защищенная; вторая, более молодая, теснее связанная с социумом (оперативная подсистема, массовость), становится своеобразным пробным адаптационным полигоном для новаций консервативной подсистемы элитарности. Выделение специального эволюционного буфера позволяет проверить в нем разные решения встающих перед культурой эволюционных проблем без риска закрепления неудачных. В этом и состоит эволюционная логика массовости и элитарности как бинарных сопряженных дифференциаций культуры.

Андреева О. А. Стабильность и нестабильность в контексте социокультурного развития. Таганрог, 2000.

Быкова Э. В. Народная, элитарная и массовая культура // Культурология : программа базового курса для студентов техн. вузов. М., 2001.

Гвардини Р. Конец нового времени // Феномен человека : антология. М., 1993. С. 240–296.

Геодакян В. А. Эволюционные теории асимметрии организмов, мозга и тела // Успехи физиол. наук. 2005. Т. 36, № 1. С. 24–53.

Гуревич А. Я. Жак Ле Гофф и «Новая историческая наука» во Франции // Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 352–373.

Захаров А. В. Традиционная культура в современном обществе // Социол. исслед. 2004. № 7. С. 105–115.

Каган М. С. Синергетика и культурология // Синергетика и методы науки. СПб., 1998. С. 204–219.

Капица С. П. Об ускорении исторического времени // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 3–17.

Кармин А. С., Новикова Е. С. Культурология. СПб., 2006.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

Лесков Л. В. Философия и культурология // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 7, Философия. 2004. № 4. С. 46–47.

Самохвалова В. И. Масскульт и маленький человек // Филос. науки. 2001. №1. С. 56–66.

Хакен Г. Синергетика. М., 1980.

Статья поступила в редакцию 19.06.2009 г.